

Слово «семиотика» (или, во французской и итальянской традициях, «семиология») означает науку о знаках. Греческое «сема» — это знак, иногда могила (как мы говорим, «памятный знак», «памятник» как что-то очень значимое), отсюда известная поговорка мрачных философов «сома — сема», тело — это могила. Уменьшительная форма «смейон», значок, означала боевое знамя, или скульптуру на древке, как бы ту точку, куда смотрит все войско, чтобы ориентироваться в битве или добиться перелома в ней; но также и «печать», и «медаль», и вообще любой опознавательный знак, естественного или искусственного происхождения, что-то заявляющий и побуждающий к какому-то действию. Можно сказать, заявляющий, что все

так, а не иначе, и поэтому действовать можно и нужно только так. В Евангелии это слово значит «знамение», «чудесное явление», делающее саму жизнь совсем другой, не такой, какой она была прежде. Как у Пастернака: «И осень ясная, как знамение, К себе приковывает взорь» — осени еще предстоит наступить, еще август, но ее пророчество уже исполняется, жизнь уже не может быть прежней.

Уменьшительная форма была выбрана для названия науки по простой причине: слово «сема» не имеет значения признака, тогда как «семиотика» всегда исходит из признаков и далее движется к сути. Так действует «семиотика» как раздел медицины: распознает симптомы заболеваний и по малейшим признакам судит о качестве заболевания. Но мы будем заниматься не медицинской семиотикой, а семиотикой как гуманитарной и даже, как увидим, социальной дисциплиной.

Греческому слову «сема» или «семеион» соответствует одно латинское слово *signum*, имевшее все те же значения от боевого зна-

мени (откуда наш «сигнал») до значка на одежде, и от указателя до вообще любой вещи, которая что-либо значит в нашей жизни. Это слово могло приобретать сколь угодно широкое значение: например, блаженный Августин называл словом *signum* вообще любую вещь, так как она сотворена Богом и поэтому служит знаком его воли. При этом Августин считал, что мир вещей, как и библейский текст, подлежит некоторым правилам интерпретации, и знаки поэтому могут быть вполне прочитаны и распознаны.

В средневековой мысли знаки, по заветам Августина, изучались не как часть нашего мышления, но как часть реальности — поэтому средневековая наука вполне может быть вписана в современную семиотику. Так, Роджер Бэкон, мыслитель высокой схоластики XIII век, разделил все знаки на «знаки природы» и «знаки для природы»: если петух кричит на рассвете, то это знак природы, сама природа заявляет о своем торжестве через петуха, тогда как если петух кричит курам, что он нашел пищу, то это знак для приро-

ды. Еще за полтора века до него Петр Абеляр, тот самый который с Элоизой, назвал знаками «да» и «нет», тем самым показав, что знаки не только рассказывают о реальности, но и включают и выключают реальность, влияя на качество ее присутствия как таковой. Главное средневековое определение значимого-звучащего слова как «знака понимания» (*voces sunt signa intellectuum*, сказанные вслух слова суть знаки интеллекций) утвердило статус знака как способа понять не только понятое, но и само понимание: ведь и сейчас наравне со знаками для вещей существуют логические или математические знаки.

Хотя семиотика как наука — достижение XX века, практической семиотикой занимались многие мудрецы. Еще античные евреи, чьим родным языком стал греческий, от греков узнали, что буквы могут значить числа, а из своей собственной традиции — что мир построен на определенных мерах и закономерностях. Соединив эти два знания, они получили каббалу — полумагическое учение

о том, что раз мир измерим, то значит, знание букв и правильное их употребление позволяет менять мир, внося в него новые смысловые параметры.

Около 1300 года святой Раймунд Луллий, мудрец с Майорки, бывший трубадур из аристократов, после неудачи в любви (как и положено трубадуру, он был влюблен в замужнюю женщину, но когда добился взаимности, оказалось, что воспетая им белая грудь изъязвлена тяжелой болезнью) принявший монашество и основавший первый в Европе институт иностранных языков, создает логическую машину, позволяющую производить только истинные суждения. Она представляла собой круг, разделенный на секторы, в каждом из которых писалось какое-то понятие и производные от него. Например, Бог-божество-божественный, Благо-благодать-благодой, Истина-истинность-истинный. И можно было, проводя хорды, получать развернутые суждения об устройстве божественного мира. Луллий утверждал, что он увидел свою машину во сне и что ее использование оту-

чит людей врать и докажет всем истины христианства. Хотя вроде бы машина Луллия напоминает схемы каббалы, как устроена вся истина Бога и мира, но он открыл то, чего в каббале не было, но что важно для современной семиотики и лингвистики: различие между синтагмой и парадигмой. Синтагма — последовательность элементов, позволяющая получить смысл в конце этой последовательности, тогда как парадигма — ряд элементов, из которых внутри каждой отдельной синтагмы используется только один, который и наделяет синтагму смыслом. Любые несколько секторов круга Луллия образовывали синтагму, тогда как внутри сектора оказывалась парадигма. Различие между синтагмой и парадигмой мы видим также, например, в астролого-магических календарях эпохи Возрождения, например, на фресках Палаццо Скифанойя в Ферраре, где триумф каждого месяца соотнесен с конкретными успехами правителя, и значит, ход месяцев ведет правителя ко все большим успехам.